

зимы 1917 г. стал последней каплей, сломавшей российскую монархию, что позволило русскому крестьянству в ходе развития революционного процесса в России приступить к реализации тех идеологем и целей, что утвердились в массовом сознании во время Первой мировой войны.

Примечания

- ¹ Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 98.
- ² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1914. Д. 108. Ч. 72. Л. 9; Ч. 78. Л. 12.
- ³ Там же. Ч. 14. Л. 15об.
- ⁴ Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 665. Л. 1–2.
- ⁵ Там же. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 101. Л. 181–183.
- ⁶ Сенчакова Л. Т. Приговоры и наказания российского крестьянства. 1905–1907 гг. По материалам центральных губерний : в 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 11, 116.
- ⁷ ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1915. Д. 108. Ч. 11. Л. 1–1об.
- ⁸ Там же. Оп. 1914. Д. 108. Ч. 14. Л. 21; Крестьянское движение в России в 1914–1917 гг. М. ; Л., 1965. С. 250.
- ⁹ ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1915. Д. 108. Ч. 14. Л. 6–6об., 11.
- ¹⁰ Там же. Оп. 1914. Д. 108. Ч. 72. Л. 12; Ч. 48. Л. 2–2об.
- ¹¹ Там же. Оп. 265. Д. 1001. Л. 2013.
- ¹² Там же. Оп. 1915. Д. 108. Ч. 72. Л. 13об.; Д. 72. Ч. 7. Л. 7.
- ¹³ На крутом переломе. Век XX. М., 1984. С. 296.

УДК 908[286.12]

ГОЛОД И МЕННОНИТСКАЯ ДЕРЕВНЯ В ПОВОЛЖЬЕ В 1920-е ГОДЫ

Н. О. Евсеев

Саратовский государственный университет
E-mail: decoloced1111@gmail.com

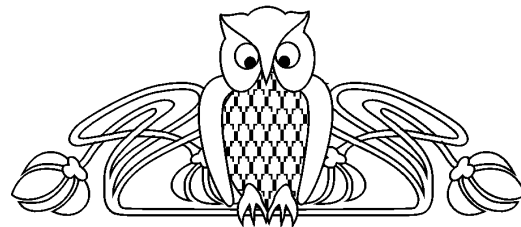
В статье рассматривается жизнь меннонитской деревни Поволжья в начале XX в. через призму первых лет советской власти и голода в Поволжье 1921 г. Данная работа основывается на опубликованных архивных документах, а также на источниках личного происхождения – дневниках, мемуарах, письмах и т. д.
Ключевые слова: Гражданская война в России, голод в Поволжье 1921 г., немцы Поволжья, меннониты, Американская администрация помощи (АРА), Американская меннонитская помощь (АМП), И. И. Дик (1885–1948).

The Famine and the Mennonite Village of the Volga Region in the 1920s

N. O. Evseev

The article deals with the history of the Mennonite village life in the Volga Region at the beginning of the XX century, as seen through the prism of the first years of the Soviet power and the Volga region fam-

- ¹⁴ ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1915. Д. 78. Ч. 1. Л. 3об.–4.
- ¹⁵ Там же. Д. 72. Ч. 1. Л. 16; Д. 108. Ч. 14. Л. 14.
- ¹⁶ Вронский О. Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917). Тула, 2000. С. 394.
- ¹⁷ Ковалев Д. В. Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона в первой четверти XX века (по материалам Московской губернии). М., 2004. С. 121.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1915. Д. 108. Ч. 7. Л. 8об.–9, 12.
- ¹⁹ Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 1300. Оп. 1. Д. 688. Л. 16.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1916. Д. 108. Ч. 26. Л. 10; Д. 42. Ч. 9. Л. 24об.
- ²¹ Там же. Ч. 30. Л. 12об.–15.
- ²² Дьячков В. Л., Протасов Л. Г. Великая война и общественное сознание : превратности индоктринации и восприятия // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 62.
- ²³ См. напр.: Трошина Т. И. Социальные мероприятия государства в годы Первой мировой войны и их влияние на состояние крестьянского населения (на примере северных губерний) // Первая мировая война и Европейский Север России. Архангельск, 2014. С. 312–315.
- ²⁴ Война и костромская деревня. Кострома, 1915. С. 4–19, 30; Труды комиссии по изучению современной дороговизны. М., 1915. Вып. 1. С. 456, 462, 466.
- ²⁵ ГАТО. Ф. 90. Оп. 8. Д. 445. Л. 16.
- ²⁶ ГАРФ. 4-е делопроизводство. Оп. 1915. Д. 108. Ч. 72. Л. 14.

ine of 1921. This article is based on archival documents and historical sources of personal origin – diaries, letters, memoirs, etc.

Key words: Russian Civil War, Volga region famine of 1921, Volga Germans, Mennonites, American Relief Administration (ARA), American Mennonite Relief (AMR), J. J. Dyck (1885–1948).

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-90-95

Период с конца XIX в. до начала XX в. можно назвать «золотым веком» меннонитских колоний на Волге. К 1914 г. они стали одними из самых процветающих поселений данного региона. Небывалый экономический подъём обеспечивался не только прогрессивными методами ведения хозяйства (товарное, зерновое и животноводческое производство фермерского типа), но и развитой

системой взаимопомощи, социальным страхованием, трудовым упорством и энергией.

В начале XX в. хозяйство меннонитских колоний на Волге носило ярко выраженный капиталистический характер. Уже к 1887 г. у меннонитов, проживавших в Малышинской волости Новоузенского уезда Самарской губернии, 65,8 % хозяйств использовали наёмный труд, когда как у русских и немецких крестьян процент таких хозяйств не превышал 8,4 %¹. Другими особенностями экономики этих колоний были: потомственное наследование земли без права дробления между членами семьи, рациональная система полеводства (пяти- или шестипольный севооборот), высокая техническая оснащённость и достаточное количество рабочего скота.

Первая мировая война оказала влияние на меннонитов Поволжья, хотя боевые действия и ликвидационные законы 1915 г. их почти не затронули. Они активно помогали действующей армии. В начале войны Малышинская волость приняла решение о выделении ежемесячно, вплоть до окончания войны, 500 рублей на военные нужды². У меннонитских колоний сохранялся потенциал развития, урон которому нанесла Гражданская война и политика «военного коммунизма».

Системный кризис, разразившийся в России в 1917–1921 гг. и охвативший страну в результате Первой мировой и Гражданской войны, революций, политической нестабильности, затронул все слои общества. Развитие кризиса и голода в бывших немецких колониях Поволжья имело те же причины, что и в целом по стране: последствия мировой и Гражданской войны, засуха 1920 г. и «военный коммунизм».

Тяжёлый хозяйственный кризис переживали меннонитские колонии на территории немецкой автономии. В 1918 г., когда часть Новоузенского уезда вошла в состав Автономной области немцев Поволжья, Малышинская волость стала Кеппентальским районом, частью Ровенского уезда. Высокие экономические показатели колоний в предреволюционное время способствовали распространению среди русских и немецких крестьян мнения об их общей зажиточности и благосостоянии. Это привело к большому продовольственному и налоговому нажиму в период «военного коммунизма». Местные власти относились к меннонитским селениям как «к очагам кулачества, зажиточного крестьянства и центрам контрреволюции»³.

К маю 1918 г. меннониты Кеппентальского района обладали обширными запасами зерна — около 45 тыс. пудов пшеницы и ржи хранились в общественных зернохранилищах. Узнав об этом, крестьяне соседнего села Воскресенское, угрожая меннонитам расправой, потребовали продать им 6 тыс. пудов зерна. Те немедленно выполнили их требования, опасаясь расправы. После этого слух о том, что у меннонитов остаются запасы, распространился по округе и дошёл до новых

властей. Через несколько дней все зернохранилища меннонитов были опустошены⁴. Под охраной комиссаров продукты доставлялись в Саратов и Покровск. Многие пытались спрятать от комиссаров зерно и продукты. Иоганнес Дик, один из очевидцев событий, врыл в землю металлическую цистерну, которую он доверху засыпал зерном. Другой тайник он сделал в доме в виде секретной комнаты, куда семья спрятала несколько мешков с мукой и оставшиеся продукты⁵.

Одновременно с изъятием излишков проводился передел земли. На каждого члена семьи выделялось от 4 до 6 десятин в зависимости от качества земли и полдесятины пастбища на каждую единицу скота. Остальные угодья входили в земельный фонд, из которого желающие могли брать дополнительные угодья на условиях аренды. Привыкшим владеть большими участками земли для нормального ведения хозяйства меннонитам приходилось брать в аренду из обобществлённого земельного фонда свою же землю. Бывшие бедняки и батраки, получив земельную собственность, не торопились её возделывать. Многие сдали её в аренду бывшим владельцам, получая с этого доход⁶.

Осенью 1918 г. экономический нажим на Кеппентальский район значительно усилился. Большая часть зерна урожая этого года была экспроприрована. Зажиточных крестьян обязали на безвозмездной основе передать часть своего скота тем, кто своего не имел. В результате этой политики к весне 1919 г. посевные площади были сокращены, однако урожай получился хорошим, но и он подвергся продразвёрстке, темпы которой снова увеличились. Те, кто не мог сдать достаточного количества продовольствия, подвергались обыскам. В итоге к февралю 1920 г. в Кеппентальском районе осталось зерно только для посева, на корм скоту и лишь немного на питание⁷.

Когда руководство автономии сообщило о том, что всё зерно уже вывезено, из Москвы в Поволжье была отправлена специальная контрольная комиссия под руководством Калмановского с целью усиления «проднажима», который выражался в полном изъятии всего найденного у крестьян хлеба и увеличении норм продразвёрстки. В феврале 1920 г. члены комиссии Калмановского прибыли в село Лизандерге Кеппентальского района. С помощью продотрядов они производили обыски в домах крестьян и допрашивали их. О методах «работы» комиссии красноречиво свидетельствуют воспоминания Иоганнеса Дика: «... Два или три человека допрашивали меня одновременно. Сколько зерна посеяно? Сколько у меня всего лошадей, коров, свиней, овец и быков? Сколько зерна сдано по развёрстке? Сколько смолото? Сколько рабочих? Сколько у меня их было до революции? Сотни вопросов. Примерно десять человек стояли вокруг меня, кричали, угрожали, размахивая наганями перед лицом. В это же время двое записывали мои ответы. Некоторые вопросы

задавались по десять раз, и если я отвечал по-другому, то следовал крик: “Ага, ты врешь! В прошлый раз ты ответил иначе”. Тогда повторялись обвинения, оскорбления, угрозы, постоянно падали на пол стулья и стучали кулаки по столу. Если я пытался обдумать свой ответ, они кричали на меня: “Отвечай! Отвечай! Ты пытаешься лгать!”. Если я отвечал по-русски, они снова кричали и задавали вопросы по-немецки и требовали ответа на этом языке. Когда я им подчинился, последовал грубый окрик: “Ты обязан говорить по-русски, немецкая собака!”... От этого всего я был на грани помешательства настолько, что захотелось закричать: “Возьмите у меня всё или убейте меня, я уже устал от всего этого”. Но неожиданно их поведение изменилось. Вдруг агроном, довольно приличный человек, которого я знал до этого, вскричал: “Хватит! Прекратим эту пытку! Разве вы не видите, что гражданин Дик добропорядочный и честный человек?”. В тот час эти дьяволы в человеческом облике разразились громким смехом, начали шутить и вести себя так, как будто ничего не произошло»⁸.

Несмотря на то что комиссия не нашла излишков хлеба, в Москву был отправлен отчёт о том, что у меннонитов по-прежнему имеются его запасы. После её отъезда комиссары частично изъяли зерно под посевы и домашний скот. Результатом этой политики большевиков стало значительное сокращение посевных площадей. В 1920 г. посевы в Меннонитском районе составляли всего 20 % от довоенной нормы⁹. У многих не оставалось зерна даже на посев, поэтому они не могли выйти в поле. Заметив это, власти дали приказ об аресте мужчин в возрасте от 14 лет, которые находились дома с 5 часов утра до 8 часов вечера. Крестьян обязали сеять, даже если сеять было нечего: «Каждый должен был находиться в поле. Зерна для посева не хватало, лошади выглядели истощёнными и слабыми. Мужчины просто лежали на земле, а лошади стояли рядом в бездействии»¹⁰. В дальнейшем власти вмешивались в процесс сбора урожая и обмолота зерна, отдавая приказы и надзирая за работой¹¹. В результате политики предыдущих лет и неблагоприятных климатических условий урожай 1920 г. выдался низким. Однако нормы продрозвёрстки снижены не были.

В то время как в деревнях начинали появляться первые признаки голода, к собранным продуктам относились преступно халатно. Часто зерно можно было видеть оставленным лежать на сырой земле или мокнувшим под дождём. Овощи свозили в огромные амбары, где с приходом зимы они замерзали. Однако крестьянам не позволили взять эти испорченные продукты даже на корм домашним животным¹². В противовес голодающему населению некоторые комиссары купались в роскоши. По ночам они устраивали гуляния, на которые приглашали всех местных коммунистов. На этих «собраниях» они ели продукты, отобранные у местного населения, «поглощали литрами

самогон и занимались распутством с женщинами из русских деревень, которые продавали себя ради куска хлеба для себя и своих детей»¹³.

С каждым днём крестьяне сдавали всё меньше и меньше продуктов. Власти приступили к открытым репрессиям. В январе 1921 г. на кладбище Кеппенталья расстреляли Якоба Вибера за то, что в ходе обыска в его доме чекисты обнаружили секретное место, где находились мука, мясо, одежда и многое другое. Перед казнью он сообщил властям (возможно, под пытками) о тех, кто имел тайники в домах¹⁴. Для контроля местного населения власти учредили специальные «тройки» – комиссии из числа жителей деревни. В их обязанность входило проводить обыски у односельчан. Если в течение десяти дней их поиски зерна и продуктов заканчивались безрезультатно, то все их имущество подвергалось конфискации. В состав этих «троек» избирались в основном низшие слои населения, но в их состав включили трёх самых богатых крестьян из каждой деревни. В случае неплатёжеспособности члена «тройки» именно они несли всю ответственность¹⁵.

В начале зимы 1920–1921 гг. на помощь местным коммунистам прислали отряд рабочих из Тулы. В Кеппентальский район были отправлены некто Кулаков и Венев вместе с частями Красной армии. Угрожая населению расстрелом, они потребовали полной сдачи имеющегося зерна. Однако ни угрозы, ни бесконечные обыски домов не принесли желаемого результата. Со всего района было собрано количество зерна, которого едва хватило бы на одну семью. Кроме того, снова подверглись реквизиции оставшиеся продукты питания. Всех крестьян, которые подозревались в сокрытии зерна, занесли в особый список и подвергали ежедневным обыскам¹⁶.

Результатом этой политики стала волна крестьянских восстаний, прокатившихся весной 1921 г. Одно из восстаний под руководством М. Пятакова вспыхнуло в русских селах к югу от Ровного. После захвата Ровненского уезда его отряды стали продвигаться на север к Маркштадту¹⁷. Идя от деревни к деревне, повстанцы, большую часть которых составляли голодающие крестьяне, устраивали расправы над коммунистами и делили ранее отобранные продукты. 20 марта 1921 г. около 2300 восставших заняли Лизандерге. Иоганнес Дик писал: «В лохмотьях и обносках, полуголодные, почти не имеющие огнестрельного оружия, вооружённые вилами или заострёнными палками, они въехали в деревню на тощих лошадях. Картина полная страданий и безнадежности»¹⁸. Повстанцы распустили местные советы, а председатель Иоганнес Пеннер перешёл на их сторону. Некоторые члены бывшего правления вошли в состав сформированного восставшими «Совета восставших голодающих крестьян». Повстанцы открыли настоящую охоту на коммунистов. Через несколько дней в Медемтале Кулаков и Венев были арестованы и расстреляны. Их тела

мстители сбросили в старый колодец. Остальные коммунисты, которые сбежали из Кеппентальского района, смогли достичь ближайшей колонии Ней-Лауб, где с ними расправились с изощрённой жестокостью¹⁹. Несмотря на временные успехи, восстание с самых первых дней было обречено на провал. Голодные крестьяне, порой вооружённые вилами и топорами, не могли долго противостоять хорошо оснащённым частям Красной армии, которые в начале мая 1921 г. заняли Кеппентальский район. С 12 по 19 мая 1921 г. в Кеппентале работал Ревтрибунал, перед которым предстали около 100 человек. По его итогам за участие в восстании 23 человека были приговорены к расстрелу, из них 11 являлись меннонитами²⁰.

После подавления восстания М. Пятакова меннонитские колонии пребывали в печальном хозяйственном состоянии – посевная площадь по району составила 9 % от довоенного уровня. Сократилось число домашнего скота до 23 %, а лошадей – 11 % от уровня 1913 г.²¹ Уже в июне 1921 г. стало понятно, что продовольственной катастрофы не избежать.

В АО НП первые случаи голодной смерти были зарегистрированы уже в январе 1921 г. Массовая смертность от голода продолжалась до мая 1922 г. и составила 27 % от численности населения. Пик голодного времени пришёлся на весну 1922 г., когда голодало почти всё население автономии – 96,8 %²². В отличие от остальной территории автономии Кеппентальский район пережил это время относительно благополучно. Об этом говорит уже тот факт, что массовая смертность от голода не была зафиксирована зимой – осенью 1921 г. в меннонитских колониях²³.

Весь 1921 г. население Кеппентальского района пыталось активно противостоять бедствию. Летом 1921 меннониты Поволжья отправили экспедицию на Кубань для закупки домашнего скота и еды. Результатом этой поездки стал договор с меннонитской колонией Великокняжеская. После продолжительной дискуссии они согласились принять у себя 100–200 голодающих и обязались передать 200–300 голов породистого скота к декабрю 1921 г. В качестве компенсации прибывшие с Волги обязывались работать, а также передать треть своего домашнего скота в качестве платы за еду. Несмотря на невыгодные условия договора, многие меннониты готовы были переселиться на время в Великокняжескую. В итоге на Кубань переселились 130 человек и 250 голов скота²⁴.

Способом поддержания жизнедеятельности стала продажа сельскохозяйственного инвентаря, главным образом моторов, за еду. Осенью 1921 г. в Кеппентальский район приезжали русские крестьяне из западных областей Саратовской губернии, пострадавшей от голода в гораздо меньшей степени, для продажи зерна в обмен на лошадей и сельскохозяйственный инвентарь. За один мотор мощностью 18 л.с., стоивший до революции 1300 рублей, платили от 100 до 150 пудов ржи²⁵.

Положение в меннонитских колониях стало угрожающим в начале сентября 1921 г. Пшеничная мука полностью исчезла. Её заменила ржаная, смешанная с отрубями, картофелем, тыквой и даже с травой, из которой выпекался хлеб. Из тыквы и воды меннониты делали «тыквенный суп». От систематического недоедания люди слабели и опухали. В селениях были зафиксированы случаи заболевания сыпным тифом. Настроение населения было подавленным. В ноябре 1921 г. сильно нуждающихся меннонитов насчитывалось «не более 170 душ» (около 10 % района)²⁶. В том же месяце И. Дик сообщил родственникам в Америке, что большинство семей имеет продовольствие только на 2–3 месяца²⁷.

В ноябре 1921 г. в Москву прибыл Альвин Миллер, директор благотворительной организации – Американская меннонитская помощь (АМП), для ведения переговоров с Советским правительством о разрешении работать в России параллельно с АРА. В середине декабря 1921 г. И. Дик и И. Пеннер прибыли в Москву к нему с просьбой распространить действие организации на их район. Вскоре Миллер назначил И. Дика главой местного комитета АМП и выдал чек на сумму 300 долларов США, на которые можно было получить продукты на складе АРА в Саратове²⁸.

25 декабря 1921 г. старейшина Петер Винс торжественно объявил на рождественской службе в Кеппентале, что «первая партия продуктов от наших братьев и сестёр из Америки должна прийти совсем скоро, и эти подарки будут приходить регулярно начиная с этого месяца»²⁹. Наконец, 27 декабря 1921 г. в Кеппентальский район прибыли 10 саней продовольствия из Саратова. Иоганн Дик вспоминал об этом дне: «Все прибывшее продовольствие занесли в огромное зернохранилище, где мы разделили его по деревням по числу жителей. Мы получили: муку, бобы, рис, какао, сахар, сгущенное молоко и растительные жиры. Всё было превосходного качества. После стольких лет трудностей и лишений, когда большевики постоянно грабили и лишали средств к существованию, все эти продукты казались нам чуть ли не предметами роскоши. Многие, многие человеческие жизни были спасены благодаря этим продуктам!». В Москву в представительство АМП ушла телеграмма следующего содержания: «Продукты распределены 31 декабря. Отчёт следует письмом»³⁰.

За каждую поставку продуктов Альвин Миллер требовал отчёта от И. Дика. Например, в телеграмме от 22 января 1922 г. он предупреждает комитет АМП в Кеппентале: «Продукты должны быть только употребляемым для раздачи голодающим и ни в коем случае израсходованы иначе»³¹. От Комитета постоянно требовали «вести точный отчёт», «извещать» или «телеграфировать при получении продуктов»³². Иоганн Дик вспоминал в дальнейшем: «Нам приходилось строго отчитываться за всё как перед г-ом Миллером в Москве,

так и перед АРА в Саратове. Но люди из АРА проявляли себя более деловыми, чем Миллер, который, казалось, имел мало опыта для ведения подобных дел. Было гораздо проще работать с американцами из АРА, чем с Миллером, который всякий раз демонстрировал свои мелочные педантичные замашки, что осложняло нашу совместную работу»³³.

Насколько эффективной была помощь АМП? В отличие от АРА, которая до апреля 1922 г. выдавала помощь исключительно детям, помощь от АМП распространялось и на взрослое население района. Как свидетельствуют данные источников, механизм получения продуктов был следующим. Из Москвы поступал денежный перевод на имя И. И. Дика. Например, в мае 1922 г. сумма составила 2900 долларов США³⁴. На эти деньги из саратовского склада АРА выкупались продукты и затем доставлялись в район. Здесь продовольствие делилось между девятью деревнями района на пайки. Зимой 1922 г. АМП разрешила включить в раздачу одно меннонитское село – Ней-Варенбург³⁵.

Если в декабре 1921 г. помощью АМП воспользовались только 36 % населения района, в январе – 56 %, с февраля по апрель 1922 г. – 72 %, то в мае и в июне 1922 г. продуктами меннонитской организации питалось уже 97 % и 91 % жителей района соответственно³⁶. Благодаря урожаю 1922 г. Кеппентальский район смог противостоять бедствию до сентября 1923 г. Наиболее сильная вспышка голода произошла весной 1924 г., когда продовольствие АМП получали 34 % населения. В дальнейшем голод то усиливался, то утихал. Всё это подтверждает тезис А. А. Германа о том, что голод не ограничивался двумя годами – 1921 г. и 1922 г., а начавшись в конце 1920 г., периодически усиливаясь и ослабляясь, существовал вплоть до 1925 г.³⁷

Количество полученного продовольствия каждый месяц было разным. Наибольшее количество продуктовых пайков было получено в мае 1921 г. – 63100³⁸. В 1924 г. в состав пайков входили такие продукты, как сахар, какао, мука, рис, жиры, крупы и молоко. В декабре 1921 г., в январе, мае – июне 1922 г. продовольствие распределялось по принципу равенства. В самые тяжёлые голодные месяцы – с февраля по апрель – большую помощь получили наиболее нуждавшиеся в ней³⁹. В 1923–1924 гг. помощь в основном получали испытывающие нужду: дети, больные, ученики и учителя школы. В апреле – мае 1924 г. 400 человек, не попавшие в вышеперечисленные категории, получали помощь на платной основе⁴⁰.

Оказание помощи АМП не ограничивалось только продовольствием. В конце мая 1922 г. организация отправила в Кеппенталь целый вагон одежды, белья и крупы общим весом 139 пудов 38 фунтов. Одежда и бельё, правда, были ношенными, только некоторые вещи являлись совершенно новыми. В течение лета имущество поделили между 9 меннонитскими селениями и Ней-Варенбургом⁴¹.

АМП предоставляла меннонитам денежную и агротехническую помощь. С января по июнь 1925 г. на деньги организации была восстановлена школа, закупились лекарства и продукты. Всего же за полгода АМП выделил помощь в размере 353 руб. 50 коп.⁴² Агротехническая помощь оказывалась в виде предоставления в пользование сельскохозяйственного инвентаря. Например, в мае 1922 г. АМП предложила Кеппентальскому району 5 тракторов на условиях замещения от 20 до 50 % их стоимости⁴³.

Помощь меннонитам Поволжья оказала Американская администрация помощи (АРА). В основном эта организация обеспечивала питание детей. С апреля 1922 г. АРА распространила своё действие и на взрослых, начав выдавать взрослому населению сухие кукурузные пайки⁴⁴. В декабре 1921 г. в столовых АРА получали питание 55 %, а в январе АРА обеспечивала уже 67 % детей. С апреля по июнь 1921 г. АРА на 100% снабжала меннонитский район продовольствием.

Другим видом помощи стали индивидуальные посылки из США и Канады от родственников и знакомых. Всего за период с января 1921 по июнь 1922 г. в Кеппентале получено 337 посылок из Америки и Канады⁴⁵. И. Дик вспоминал: «Несмотря на то, что этих посылок было немного, они доставляли мне много работы. Получение каждой фиксировалось, получатели уведомлялись, содержимое взвешивалось и отдавалось под роспись, а расписка в получении направлялась в Москву»⁴⁶.

Нельзя обойти вниманием и характер государственной помощи. Вспоминая события 1922 г., И. И. Дик писал в автобиографии: «Когда пришло время сева, едва у кого имелись семена. Правительство распространяло их в небольшом количестве, но они были такого плохого качества, представляли собой мешанину разных сортов, яровая и озимая пшеницы часто перемешивались друг с другом. Количество семян было не на много больше, чем мы посеяли в 1921 г. Но больше всего ощущался недостаток лошадей: многие погибли во время голода, а выжившие оставались ещё очень слабыми. Из моих 20 лошадей осталось только шесть. А так как они были очень слабыми, чтобы противостоять болезням, четыре лошади погибли одна за другой ещё до конца сева»⁴⁷. В апреле 1923 г. помощь оказала Областная комиссия по ликвидации последствий голода, предоставив семена ржи⁴⁸. Немсельхозсоюз передал в Кеппентальский район двух лошадей⁴⁹.

Таким образом, роль иностранных благотворительных организаций оказалась решающей для оказания помощи Меннонитскому району. Многие советские историки доказывали, что помощь иностранцев хоть и была значительной, но не преобладающей ни в одном из районов АО НП. Приведённые выше данные убедительно доказывают обратное. Помощь АМП и АРА распространялась на 97 % и 100 % населения района. Благодаря этой помощи Меннонитский район

избежал массовой гибели населения. Во многом благодаря этой помощи процесс восстановления хозяйства здесь проходил значительно быстрее, чем в других районах Кукуевского кантона. Например, в сентябре 1924 г. число дворов без скота составляло всего 8 % от всей численности⁵⁰. К 1926 г. можно говорить о полном восстановлении хозяйственного потенциала меннонитских колоний на Волге.

Примечания

- ¹ См.: *Ипатов А. Н.* Меннониты : вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности. М., 1978. С. 88.
- ² *Дёнингхаус В.* Революция, Реформа и Война. Немцы Поволжья в период заката Российской империи. Саратов, 2008. С. 174.
- ³ *Назарова Т. П.* Благотворительная деятельность зарубежных меннонитских организаций в Советском государстве в 1920 – начале 1930-х гг. (гуманитарная и агротехническая помощь, поддержка эмиграции). Волгоград, 2013. С. 61.
- ⁴ *Johannes Dyck, Surukin W. E.* Am Trakt : a Mennonite Settlement in the Central Volga Region. Winnipeg, 1995. P. 55.
- ⁵ Ibid. P. 54.
- ⁶ Ibid. P. 56.
- ⁷ *Johannes J. Dyck.* Autobiography Johannes J. Dyck // A Pilgrim People. Winnipeg, 1994. Vol. II. P. 56.
- ⁸ Ibid. P. 56–57.
- ⁹ Ibid. P. 60.
- ¹⁰ Ibid. P. 57.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² *Johannes Dyck, Surukin W. E.* Am Trakt... P. 58–59.
- ¹³ Ibid. P. 60.
- ¹⁴ *Johannes J. Dyck.* Autobiography Johannes J. Dyck. P. 63.
- ¹⁵ Ibid. P. 63.
- ¹⁶ *Johannes Dyck, Surukin W. E.* Am Trakt... P. 59.
- ¹⁷ *Герман А. А.* Большевицкая власть и немецкая автономия на Волге (1918–1941) : в 2 ч. Ч. 2. Саратов, 2004. С. 82–94.
- ¹⁸ *Johannes J. Dyck.* Autobiography Johannes J. Dyck. P. 64.
- ¹⁹ *Johannes J. Dyck.* Autobiography Johannes J. Dyck. P. 64–65.
- ²⁰ *Letkemann P.* Mennonites in the Soviet Inferno. 1917–1956 // Preservings. 1998. № 13. P. 10.
- ²¹ *Johannes J. Dyck.* Autobiography Johannes J. Dyck. P. 67; *Johannes Dyck, Surukin W. E.* Am Trakt... P. 64
- ²² *Винс О. В.* Смертность населения АО НП от голода в 1921–1922 гг. // Культура российских немцев в Поволжском регионе. Саратов, 1993. Вып. 1. История, теория, культура. С. 64.
- ²³ *Назарова Т. П.* Указ. соч. С. 103.
- ²⁴ *Johannes J. Dyck.* Autobiography Johannes J. Dyck. P. 72–73.
- ²⁵ *Johannes Dyck, Surukin W. E.* Am Trakt... P. 64.
- ²⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 424. Оп. 1. Д. 9. Л. 72.
- ²⁷ *Назарова Т. П.* Указ. соч. С. 103.
- ²⁸ *Johannes J. Dyck.* Autobiography Johannes J. Dyck. P. 75; ГАРФ. Ф. 424. Д. 8. Л. 89.
- ²⁹ Ibid. P. 76.
- ³⁰ ГАРФ. Ф. 424. Д. 9. Л. 70.
- ³¹ Там же. Д. 8. Л. 74.
- ³² Там же. Л. 12, 61, 71.
- ³³ *Johannes J. Dyck.* Autobiography Johannes J. Dyck. P. 77.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 424. Д. 9. Л. 41.
- ³⁵ Там же. Д. 8. Л. 74.
- ³⁶ Там же. Д. 41. Л. 22–28.
- ³⁷ *Герман А. А.* Указ. соч. Ч. 2. С. 94.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. 424. Д. 9. Л. 22–28.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же. Л. 12–21.
- ⁴² Там же. Л. 1–7.
- ⁴³ Там же. Д. 8. Л. 30.
- ⁴⁴ *Назарова Т. П.* Указ. соч. С. 107.
- ⁴⁵ ГАРФ. Ф. 424. Д. 9. Л. 22–28.
- ⁴⁶ *Johannes J. Dyck.* Autobiography Johannes J. Dyck. P. 77.
- ⁴⁷ Ibid.
- ⁴⁸ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 1. Д. 487. Л. 20.
- ⁴⁹ Там же. Д. 209а. Л. 50.
- ⁵⁰ Там же. Д. 925. Л. 46.

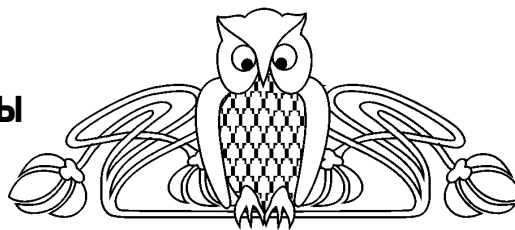
УДК [94+2](470.44)(09)

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В 1930-е ГОДЫ

Ж. В. Яковлева

Саратовский государственный университет
E-mail: jgv1972@yandex.ru

В статье исследуется религиозная жизнь многоконфессионального населения Саратовского края в 1930-е гг. Антицерковная политика государства проводилась еще с 1917 г., однако в начале 1930-х гг. она резко активизировалась, сопровождалась

массовыми беззакониями и репрессиями. Разгромив церковь к середине 1930-х гг., большевицкая власть не смогла уничтожить религиозную жизнь, которая продолжалась полулегально и нелегально, несмотря на гонения и репрессии.